

СНАЧАЛА УЛАНОВА, ПОТОМ – ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Независимая газ. – 1999 – 10 февр. – 67

Майя Крылова

ВЫСТУПИВ на вечере «Вспоминая Уланову», Андрис Лиепа посетовал: мы больше любим устраивать почеты выдающимся артистам после их кончины, чем радовать вниманием при жизни. («Если б этот вечер состоялся два года назад...») А Никита Михалков, говоривший от имени Фонда культуры – одного из организаторов события, – добавил: «Напрасно нас учили, что сначала тяжелая промышленность, потом Уланова. Должно быть наоборот». Идея первичности культуры, без которой не будет у нас ничего, плюс хорошая аура полного за-ла, внимавшего воспоминаниям о балерине и танцам в ее честь, – фундамент этого мероприятия из цикла «Достояние России». Надстройкой же стали речи, произнесенные в тот день – и даже раньше – на пресс-конференции. Воспоминания и размышления.

Борис Львов-Акохин (режиссер вечера): «Не было ни одного человека из мира культуры, который не отдал бы дань ее таланту. Святослав Рихтер перестал ходить в балет, когда Уланова ушла со сцены. Она творила на перекрестке двух искусств – ее драматический дар был не меньше танцевального. С Улановой в балете, как с Шаляпиной в опере: были басы, что называется, «голосистее», но не было такого актера в оперном театре. Когда я смотрел зарубежный фильм об истории исполнения главной роли в «Жизели», то заметил: все знаменитые исполнительницы этой партии могли быть эффектнее, бравурнее Улановой, но все они все-таки – гранд-дамы, которые изображают Жизель. И лишь Галина Сергеевна – сама Жизель. Никому еще не удалось быть столь естественной в «неестественном» искусстве классического балета».

Людмила Семеняка, народная артистка СССР, ученица Улановой (на концерте ставила номер «Молитва» на музыку Моцарта): «Уланова обладала комплексом качеств, позволившим ей стать духовным символом. Она, принеся много душевной муки в жизни, много пережила. Когда она выступала, да и позже, когда я у нее училась – в стране запрещали ходить в церковь. И мы все несли на алтарь искусства. Так делала Уланова, а мы приходили к ней, словно к алтарю».

Владимир Васильев начал речь издалека – с 1949 года, когда он, ученик первого класса, любил балерину Лепешинскую больше Улановой, не понимая тогда, в чем улановская значимость. Потом понял: танец Улановой – это «как монохромная живопись со сложной палитрой красок», которые не кричат о себе издалека, но требуют внимательного взгляда. И тогда станет понятно, как балерине, у которой «данные для профессии были не ахти ка-

Уже почти год с нами нет Галины Улановой.

кие, средние шаг и прыжок, и пальцы», – удалось всех покорять.

Николай Цискаридзе, премьер ГАБТа, показал «Нарцисс» – номер, который Уланова с ним репетировала. И поведал, как оказалось единственным свидетелем уникального момента: Уланова, показывая на репетиции, как нужно двигаться, – станцевала этот мужской танец для своего ученика. Этим Цискаридзе дополнил мемуары Васильева, вспомнившего, как потрясающее показывала Уланова, казалось бы, далекие от ее собственных ролей моменты актерства, – например, как Ивану Грязному нужно всплыть в подлокотник трона в одноименном балете, чтобы было ощущение жути.

Александр Белинский, который вместе с балериной Мариинского театра Ульяной Лопаткиной представил Петербург (родной город Улановой, который она всегда любила), уверил публику, что кинопленки, показанные на вечере (с отрывками из «Бахчисарайского фонтана», «Шопенианы», «Ромео и Джульетты»), – это, с точки зрения зрительского впечатления, «одна десятая часть «живого» танца Улановой». К высказанному оратором сожалению о несделанных Улановой ролях, над которыми она собиралась работать, – балете по Тургеневу «Накануне», спектаклю о Жанне д'Арк – добавилась досада: почему никто не записал мемуары

Улановой, ведь «в последние годы жизни эта великая молчальница стала много рассказывать». Например, историю о том, как чуть было не «выстрелила» в Сталина из сценического лука во время исполнения роли богини охоты Дианы на правительственном концерте.

Конечно, вспомнили на вечере крылатые слова Алексея Толстого об Улановой: «обыкновенная богиня». Показали на экране ее репетицию – готовила «Умирающего лебедя» с Ниной Семизоровой. А потом этого же Лебедя станцевала Ульяна Лопаткина. А Семизорова (с партнером Марком Перетокиным) показала премьеру миниатюру «Посвящение», лирический дuet на музыку греческого композитора Димитриса Араписа, в хореографии которого пародии улановской Джулетты и ее мотив тихого протеста.

Уланова любила пение Маврены Касрашвили. Рассказывают, что Галина Сергеевна однажды случайно услышала ее «Иоланту» и сказала: «Удивительно, как, оказывается, можно голосом передать слепоту». Касрашвили пела на вечере «Ave Maria» Каччини. И хор мальчиков Российской академии хорового искусства исполнил «Тебе поем» Рахманинова. В звуках музыки было то же ощущение, что в танце Улановой. Не просто так этот танец сравнивали «с таинством Вознесения».

134